

Л.С. Ледак

СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ АРГУМЕНТАЦИИ В ВООБРАЖАЕМОЙ ЛОГИКЕ Н.А.
ВАСИЛЬЕВА¹

Данная статья посвящена исследованию аргументации в логических работах Н.А. Васильева. Задача такого исследования — выяснить, каким образом автор обосновывает возможность иной — воображаемой логики. С помощью системной модели В.Н. Брюшинкина проанализированы логические и риторические средства, выявлен двойственный характер обоснования, а также предложено объяснение избыточности аргументации.

This article sets out to study argumentation in the logical works of N.A. Vasilyev. The aim of this research is to find out how the author proves the possibility of a different – imaginary – logic. With the help of V.N. Bryushinkin's system model of argumentation, the author analysis logical and rhetorical devices, determines the dual character of the proof, and offers an explanation of argumentation redundancy.

Ключевые слова: *аргументация, логика, системная модель аргументации, Н.А. Васильев, воображаемая логика.*

Key words: *argumentation, logic, system model of argumentation, N.A. Vasilyev, imaginary logic.*

**Системная модель В.Н. Брюшинкина как средство
аргументационного анализа**

Главной особенностью и в то же время преимуществом системной модели аргументации (СМА), предложенной В.Н. Брюшинкиным, является ее синтетический характер. Системная модель объединяет существующие подходы к аргументации — логический, когнитивный, риторический. Такой синтез позволяет достичь целостного

¹ Статья содержит результат исследований по проекту Российского гуманитарного научного фонда № 10-03-00798а «Когнитивный подход к аргументации».

воспроизведения аргументации в реальном тексте. Благодаря этому СМА является, на наш взгляд, наиболее эффективным инструментом для анализа текстов². Подтверждением этому служат, например, диссертационные исследования Э.С. Золотова [12] и А.М. Сологубова [17]: с помощью системной модели были проанализированы трактат К.С.Ф. Тертуллиана “De testimonio animae” (диссертация Э.С. Золотова), трактат И. Канта «О поговорке: может это и верно в теории, но не годится для практики» (диссертация А.М. Сологубова). В обоих случаях такой анализ привел к интересным, даже неожиданным научным результатам. Для нас же главным результатом, пожалуй, является осознание значимости такого рода исследований. Анализ аргументации в тексте приближает нас к более полному и глубокому пониманию мысли автора, отчасти потому, что такой анализ способен обнаружить предпосылки рассуждений, обусловленные мировоззрением автора, его принадлежностью к культуре определенной эпохи или страны.

О возможности аргументационного анализа в работах Н.А. Васильева

В связи с этим мы находим небезынтесным аргументационный анализ логических работ Н.А. Васильева, в которых он отстаивает возможность воображаемой логики. Идея иной логики была впервые высказана ее автором еще в 1910 г. Но несмотря на свой почтенный возраст, воображаемая логика продолжает привлекать внимание исследователей. Мы здесь не являемся исключением. Оригинальные идеи Н.А. Васильева были рассмотрены нами ранее с историко-философской точки зрения [14]. Попытка установить их связь с другими логическими учениями не была безрезультатной и позволила прояснить некоторые моменты в рассуждениях логика. Однако мы осознаем недостаточность проделанной работы, поэтому решили снова прибегнуть к анализу — и на этот раз исследовать аргументацию в статьях Н.А. Васильева «Воображаемая (неаристотелева) логика» (1912) и «Логика и металогика» (1912-1913)³. Такая цель представляется нам вполне

² Надо заметить, что системная модель является средством не только анализа, но и порождения аргументации. Иными словами, СМА позволяет не только анализировать аргументацию, осуществленную автором некоторого текста, но и порождать набор аргументов для конкретного адресата на основе типологии представлений об адресате.

³ Мы не рассматриваем третью (а хронологически первую) статью – «О частных суждениях, о треугольнике противоположностей, о законе исключенного четвертого», поскольку в ней идея воображаемой логики явно еще не сформулирована.

уместной, ведь занимаясь построением воображаемой логики, Н.А. Васильев не только описывает и объясняет построение новой логической системы, но и пытается убедить читателей, что это возможно: «Задача настоящей статьи — показать, что возможна иная логика...» [9, с. 53]. Правда, некоторые исследователи не согласны с такой точкой зрения и считают, что произведения философов не содержат аргументацию и искать ее в философском или научном тексте, посвященном скорее объяснению, чем обоснованию, бессмысленно. Однако, если мы обратимся к специфике философского текста, его структуре и методу, то увидим, что философский текст представляет собой рационально обоснованный философский ответ на философский вопрос [подробнее см. 3, 5]. Мы же, читая текст, можем задуматься: а насколько обоснован ответ автора на поставленный им вопрос? Такой «метавопрос к тексту, вопрос о степени обоснованности данного в тексте ответа на вопрос, поставленный к тексту» в СМА называется аргументационной задачей [5, с. 128-129]. Вернемся теперь к текстам Васильева. В них автор стремится изменить представления адресата аргументации о законе противоречия и логике в целом: закон противоречия не является формальным принципом бытия и мышления, можно от него отказаться и получить новую логику, а значит, наша земная логика вовсе не является единственно возможной. Убедить нас в возможности иной, чем аристотелева, логики — вот задача Н.А. Васильева. А наша — аргументационная — задача — выяснить, каким образом автор это делает и насколько это ему удастся.

Итак, для нас не составляет труда выделение аргументации в логических работах Н.А. Васильева. Однако при аргументационном анализе любого текста перед исследователем возникает задача выделения ведущей структуры, образующей «каркас», «матрицу» набора аргументов⁴. В рамках когнитивного подхода, разрабатываемого В.Н. Брюшинкиным последние несколько лет [подробнее см. 7], предлагается следующее решение: способ построения набора аргументов зависит от представления субъекта об адресате. Но анализируя текст, мы не знаем, как автор (субъект убеждения) представлял себе адресата. Так, мы не знаем, к какому адресату обращается в своих статьях Васильев, но внимательно читая текст, мы можем

⁴ Об этом говорил В.Н. Брюшинкин в своем докладе «О двойной роли риторики в системной модели аргументации» на всероссийском научном семинаре «Модели рассуждений-4: аргументация и риторика» (Светлогорск, 30 сентября – 2 октября).

реконструировать представления автора об адресате убеждения. Прежде всего, мы замечаем, что Н.А. Васильев опирается на ценность строгой рациональности мышления: «Все же рациональное в логике абсолютно и неизменно» [10, с. 102]. Критериями этой рациональности для адресата, по мнению автора, являются: следование законам традиционной логики, непротиворечивость, последовательность, согласованность утверждений, абсолютное различие истинного и ложного, строгость, доказательность, критичность мышления. Для рационального адресата наиболее эффективным должен быть логический способ убеждения, поэтому мы предполагаем, что в основе аргументации Н.А. Васильева — логическое доказательство⁵.

Построение логической карты

Чтобы это выяснить, мы строим логическую карту. И процесс, и результаты построения карты способны многое рассказать о характере аргументации в тексте.

Для логического анализа мы выбрали статью «Воображаемая (неаристотелева) логика», поскольку в ее первых строках автор открыто заявляет о своем намерении «показать, что возможна иная логика и другие логические операции, чем те, которыми мы пользуемся, показать, что наша аристотелевская логика есть только одна из многих возможных логических систем» [9, с. 53].

Прежде всего, необходимо выделить тезис. Наиболее адекватной мы считаем следующую его формулировку: «Возможна иная (воображаемая) логика». Далее мы должны выявить и реконструировать аргументы, обосновывающие тезис, и установить логические связи между тезисом и аргументами. В качестве средства логического анализа мы будем использовать простейший логический аппарат силлогистики и простых умозаключений логики высказываний.

Занимаясь построением логической карты, мы обнаруживаем, что Н.А. Васильев доказывает возможность воображаемой логики пятью различными способами:

- во-первых, обращая наше внимание на тот факт, что единственность нашей логики никем не доказана,
- во-вторых, рассматривая спор о природе логических законов,

⁵ Тем более, что сам автор говорит о логическом характере обоснования возможности воображаемой логики: «Мы дали чисто логическое *доказательство* такой возможности...» [9, с. 67].

в-третьих, допуская самостоятельность логических аксиом, а значит, и возможность отбрасывать некоторые из них,
 в-четвертых, обобщая понятие отрицательного суждения и вводя иное, чем наше, отрицание,
 в-пятых, рассуждая о природе закона противоречия и его познавательном значении.

Для каждой линии аргументации мы строим логическую карту. За недостатком места мы не будем здесь рассматривать каждую карту в отдельности, а в качестве пояснения наших рассуждений продемонстрируем построение карты для пятой линии (она является достаточно простой).

Пятая линия аргументации содержится в следующем фрагменте текста: «Закон противоречия есть закон эмпирический и реальный. Эмпирический, *потому что* он сводится к факту существования несовместимых предикатов в нашем мире, к факту, который может быть удостоверен только опытом. Если бы не было несовместимых предикатов, не было бы нашего отрицания, а значит, не был бы верен и закон противоречия. «А не есть по А» верно только потому, что есть в нашем мире предикаты, несовместимые с А, и эти предикаты мы называем по А. Закон противоречия есть сокращенная формула, содержащая в себе бесчисленные факты, вроде того, что красное несовместимо с синим, белым, черным и т. д., тишина несовместима с шумом, покой с движением и т. д. Все же эти конкретные несовместимости могут быть констатированы только опытом.

Закон противоречия есть закон реальный, *ибо* он обращается не к мыслям, а к реальности, не к суждениям, а к объектам. Он гласит, что в реальности не может быть противоречия, что известные качества не могут быть соединены в объектах. Красный предмет не может быть синим, круг не может быть квадратом — все эти положения, которые вытекают из закона противоречия, суть высказывания относительно красного предмета, круга, все это положения, характеризующие эти объекты. [...]

Раз закон противоречия есть эмпирический и реальный закон, то мы можем мыслить и без него, и получим тогда воображаемую логику [9, с. 67-68]».

Выделяем тезис и аргументы.

Тезис:

Возможна иная (воображаемая) логика (t)

Аргументы:

Если закон противоречия сводится к факту (опыту), то он является эмпирическим. ($u \rightarrow v$)

Закон противоречия сводится к факту (опыту). (u)

Закон противоречия является эмпирическим. (v)

Если закон противоречия обращается к реальным объектам, то он является реальным. ($w \rightarrow x$)

Закон противоречия обращается к реальным объектам. (w)

Закон противоречия является реальным. (x)

Если закон противоречия является эмпирическим и реальным, то мы можем мыслить и без закона противоречия. ($v \cup x \rightarrow y$)

Мы можем мыслить и без закона противоречия. (y)

Если мы можем мыслить и без закона противоречия, то его можно отбросить. ($y \rightarrow s$)

Закон противоречия можно отбросить. (s)

Если закон противоречия можно отбросить, то возможна иная (воображаемая) логика. ($s \rightarrow t$)

Так выглядят реконструированные умозаключения:

$$1. u \rightarrow v, u \vdash v$$

$$2. w \rightarrow x, w \vdash x$$

$$3. v \cup x \rightarrow y, v \cup x \vdash y$$

$$4. y \rightarrow s, y \vdash s$$

$$5. s \rightarrow t, s \vdash t$$

А теперь изобразим логическую карту (рис. 1).

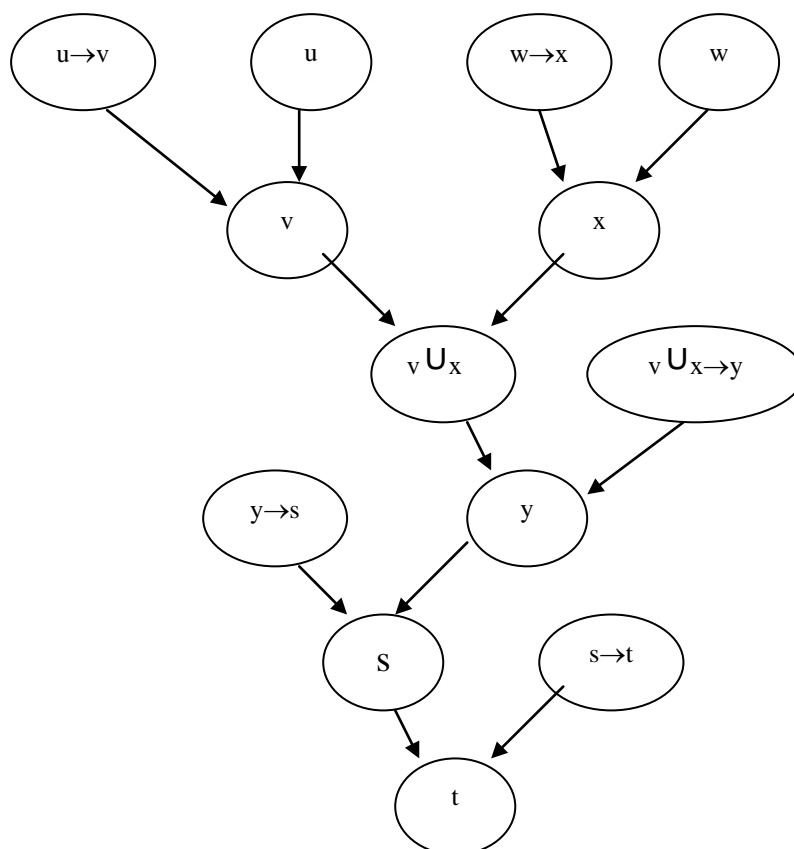

Рис. 1

Аналогичным образом мы поступаем с остальными линиями аргументации. Получаем пять логических карт. Поскольку все они обосновывают один и тот же тезис «Возможна иная (воображаемая) логика», их можно соединить в одну общую логическую карту (дерево логической аргументации). В первом приближении она будет выглядеть так⁶ (рис. 2).

⁶ Цветом мы выделяем отдельные линии аргументации.

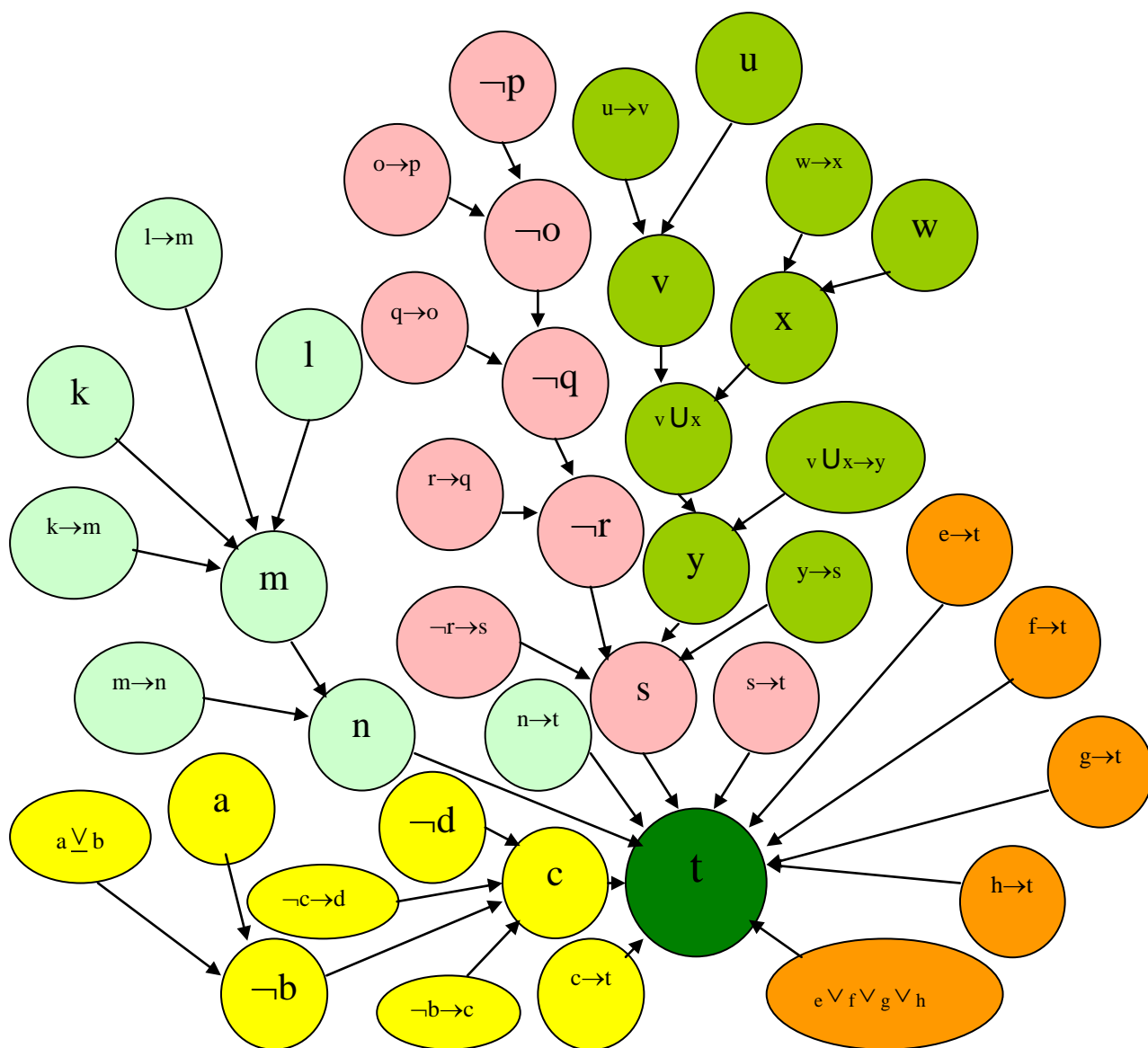

Рис. 2

Хотя в результате логического анализа мы получили довольно стройное логическое дерево, мы все-таки не можем говорить о «чисто логическом» доказательстве возможности воображаемой логики. В тексте мы практически не встречаем явно выраженных умозаключений, довольно редко видим слова «потому что», «так как», «ибо», «значит», «следовательно» и т.п., которые обычно указывают на логическую основу текста. Выявляя аргументы, мы почти не используем цитаты, поскольку не только пропущенные посылки, необходимые для обоснования тезиса, но и сами умозаключения приходится восстанавливать, следуя лишь ходу рассуждений автора. Поэтому логическая реконструкция текста, на наш взгляд, получается довольно искусственной и иногда весьма далекой от текста. Как это объяснить? Быть

может, причина — неадекватность выбранных средств реконструкции? Или дело все-таки в ином — нелогическом или не только логическом — характере аргументации?

Попробуем использовать вторую гипотезу (нам она представляется более правдоподобной и продуктивной). Если логических средств недостаточно для реконструкции, возможно, имеет смысл анализ риторических средств.

Анализ риторических средств

От анализа логической подсистемы аргументации мы переходим к анализу риторической подсистемы. Этот выбор не случаен. Во-первых, с риторической точки зрения тексты Васильева вовсе не так бедны, как мы могли бы предположить, приступая к анализу научного текста. Особенно примечательна в этом смысле статья «Логика и металогика». Во-вторых, мы не упускаем из вида увлечение Н.А. Васильева поэзией, которое не могло не отразиться в его логических работах. Ранее связь поэтического творчества Н.А. Васильева с его логическими изысканиями была отмечена В.А. Бажановым, самым внимательным и преданным исследователем жизни и творчества мыслителя: «Можно утверждать, что в смутном, неясном, еще не осознанном виде идеи, положенные им в фундамент воображаемой логики, зародились не в 1907-1908 гг., а несколькими годами раньше и были впервые облечены в поэтическую форму в книге стихов «Тоска по вечности» [1, с. 72]. Принимая во внимание неразрывную связь логического и поэтического в творчестве Н.А. Васильева, мы предполагаем, что для автора важна установка не только на рациональность, но и на образность мышления. Убедиться в том нам поможет анализ риторических средств в статьях «Воображаемая (неаристотелева) логика» и «Логика и металогика». И действительно, в тексте мы находим разнообразные средства усиления образности и выразительности — фигуры слова и мысли. Результаты анализа⁷ представлены в табл. 1.

Табл. 1

Средства усиления образности и	Фигура	Примеры
--------------------------------	--------	---------

⁷ Для каждой фигуры мы подобрали несколько примеров, хотя в тексте их гораздо больше.

выразительности		
Фигуры слова	анафора	<p>«Предположите мир осуществленного противоречия, где противоречия формулировались бы познающим субъектом в суждениях, где противоречия выводились бы, разве такое познание не было бы логическим?» [10, с. 99]</p> <p>«Как можно <i>знать</i> что-нибудь о непознаваемом, <i>знать</i>, например, что там нет противоречия?» [10, с. 99]</p> <p>«<i>Миру</i> опытной действительности, <i>миру</i> физики противостоит метафизика. <i>Миру</i> опытной логики противостоит металогика». [10, с. 115]</p>
	эпифора	<p>«Дух, который не образует ложных <i>суждений</i>, не образует бы и отрицательных <i>суждений</i>, т.е. <i>суждений</i> о ложности». [10, с. 118]</p> <p>«Эрдманн говорит о нашем <i>мышлении</i> и о всяком возможном <i>мышлении</i>». [10, с. 96]</p> <p>«Изменяясь, логическое мышление не может престать быть <i>логическим</i>, оно может изменяться только в тех пределах, которые допускаются определением <i>логического</i>. Для того, чтобы мышление было <i>логическим</i>, оно должно выполнять известные требования, вытекающие из сущности <i>логического</i>, и эти требования, само собой, останутся неизменными для всякого <i>логического</i> мышления. То, что не выполняет эти требования, то и не может считаться <i>логическим</i>». [10, с. 97]</p>
	стык (анадиплосис)	<p>«Где гарантия в том, что невозможна построенная аналогичным образом воображаемая (неаристотелева) <i>логика</i>, <i>логика</i> с заменой одной какой-нибудь из наших аксиом и с сохранением других?» [10, с. 98]</p> <p>«Где этого <i>нет</i>, <i>нет</i> и логики, а, значит, и логику нечего делать с этим предположением». [10, с. 102]</p> <p>«Дух, который не образует ложных <i>суждений</i>, не образует бы и отрицательных <i>суждений</i>, т.е. <i>суждений</i> о ложности». [10, с. 118]</p>
	кольцо	<p>«<i>Логикой</i> совершенства и совершенного познания должна быть божественная <i>логика</i>, а потому она должна быть логикой одних только утвердительных</p>

		суждений без отрицательных». [10, с. 118] «Изменяясь, <i>логическое мышление</i> не может престать быть <i>логическим</i> ». [10, с. 97]
	хиазм	«Аксиомы логики множественны, как множественны аксиомы геометрии». [10, с. 97] «Есть абсолютные логические истины, но не все логические истины абсолютны». [10, с. 96]
	синтаксический параллелизм	«Миру опытной действительности, миру физики противостоит метафизика. Миру опытной логики противостоит металогика». [10, с. 115] «Метафизика есть познание бытия вне условий опыта, бытия подлинного и единого в отвлечении от эмпирического разнообразия вещей. Металогика есть познание мысли вне условий опыта, чистой мысли в отвлечении от всякого разнообразия содержания мысли». [10, с. 115]
	эллипсис	«Такому духу нечего было бы опровергать, а в <i>опровержении ложного весь смысл</i> отрицательных суждений». [10, с. 118] «Логикой совершенства и совершенного познания должна быть божественная логика, а потому она должна быть логикой одних только утвердительных суждений <i>без отрицательных</i> ». [10, с. 118]
	бессоюзие	«Божественная логика — металогика — для соприкосновения <i>с реальностью, с тварностью, нуждается в посреднике, в Логосе, в материальной логике</i> ». [10, с. 118]
	инверсия	«Разве, думая так, отбрасывая абсолютное значение закона противоречия, <i>переставали они мыслить логически?</i> » [10, с. 99] «И что <i>знаем мы</i> в сущности об основе мира, чтобы отрицать, что она есть реализация противоречия?» [10, с. 99]
	парентеза	«Целый ряд мыслителей (<i>назову только некоторых</i>) — <i>Николай Кузанский с его coincidentia oppositorum (единство противоположностей — лат.), Гаман, Гегель, Банзен и множество других</i> — видели в мире осуществленное противоречие». [10, с. 99]
		«Познающий субъект может мыслить иные объекты и иные законы объектов, но он не может мыслить иного познающего субъекта и иные законы мысли. <i>Это было</i>

Фигуры мысли	метафора	<p><i>бы равносильно желанию выпрыгнуть из самого себя». [10, с. 103]</i></p> <p>«У нас только утвердительные и отрицательные суждения, только утвердительные и отрицательные модусы имеют билет на право входа в логику — реальное обоснование вещами». [10, с. 108]</p> <p>«Закон противоречия и закон исключенного третьего — это сторожа, которые не пропускают в логику безбилетных — индифферентные суждения и модусы силлогизма». [10, с. 108]</p> <p>«Мы считаем, что логический релятивизм эмпиризма есть его <i>point vulnerable</i> (уязвимое место — англ.), есть архимедова точка, где опрокидывается эмпиризм». [10, с. 112]</p> <p>«И в логике мы присутствуем при падении Великой Китайской стены: "эллинской и средневековой логики"». [10, с. 123]</p>
	плеоназм	<p>«Логикой совершенства и совершенного познания должна быть божественная логика, а потому она должна быть логикой одних только утвердительных суждений без отрицательных». [10, с. 118]</p> <p>«Следовательно, должны быть логические истины, вытекающие из самого определения логики, которые имеют абсолютную значимость для всякой логики, для всякого логического мышления». [10, с. 97]</p>
	эпитет	<p>«во Вселенной, беспредельной в пространстве, безграничной в своем разнообразии» [10, с. 99]</p> <p>«бесплодной, безрассудной и небезнаказанной была бы мысль» [10, с. 103]</p> <p>«чудовищной...покажется мысль» [10, с. 117]</p>

Необходимо отметить, что помимо метафор, которые являются риторическим оформлением, есть целый ряд других, основанных на противопоставлении нашей логики и металогики, логики земной и логики божественной. Из текста мы выбрали некоторые фрагменты, которые указывают на такое противопоставление (табл.2).

Табл. 2

Наша логика	Металогика
<p>«Закон исключенного четвертого, закон воображаемой логики есть в то же время и закон <i>нашей земной логики</i> понятия». [9, с. 82]</p>	<p>«Неужели божество обязательно должно мыслить по аристотелевской логике, по канонам силлогизма и миллевским правилам индукции? Очень рано религиозность создала представление о божестве, разум которого бесконечно превышает человеческий. Посему нет ничего невероятного или абсурдного в том, что <i>логика божества иная, чем логика человека</i>». [9, с. 55]</p>
<p>«Недостаток места не позволяет нам более подробно остановиться на методах и содержании металогике и на ее отличии от эмпирической или <i>нашей земной логики</i>». [9, с. 91]</p>	<p>«Конкретизируя логику, они (материальные принципы) <i>сводят ее с неба на землю, из идеального к реальному</i>, приспособляют ее к реальному и делают ее пригодным орудием познания той или иной реальности». [10, с. 116]</p>
<p>«Оно (слово «логика») может обозначать <i>нашу земную логику</i>, аристотелеву логику, как мы называем ее в противоположность воображаемой (неаристотелевой), или эмпирическую логику, как мы называем ее в противоположность металогике». [9, с. 91]</p>	<p>«<i>Божественная логика</i> — металогика — для соприкосновения с реальностью, с <i>тварностью</i>, нуждается в <i>посреднике</i>, в <i>Логосе</i>, в материальной логике». [10, с. 116]</p>
<p>«Поэтому от присоединения этих материальных принципов <i>наша земная логика</i> теряет свой чисто формальный характер, становится <i>смесью, гибридной формой</i>, чем-то средним между формальной металогикой и материальной естественной наукой». [10, с. 116]</p>	<p>«Представьте себе <i>духа</i>, который никогда не ошибается и который обладает средствами к <i>совершенному познанию</i>. <i>Дух</i>, который не образует ложных суждений, не</p>

	<p>образовывал бы и отрицательных суждений, т.е. суждений о ложности. Такому духу нечего было бы опровергать, а в опровержении ложного весь смысл отрицательных суждений. Отрицательные суждения появляются только в <i>логике несовершенной</i>, в логике, в которой не исключена возможность ошибок». [10, с. 118]</p> <p>«<i>Совершенная же логика</i> может о них (ошибках) только грезить, может только воображать их так, как мы воображаем индифферентные суждения». [10, с. 118]</p> <p>«<i>Логикой совершенства и совершенного познания</i> должна быть божественная логика, а потому она должна быть логикой одних только утвердительных суждений без отрицательных». [10, с. 118]</p> <p>«<i>Эта божественная логика, логика совершенного познания</i>, логика без отрицательных суждений и есть металогика». [10, с. 118]</p>
--	---

Очевидно, такое настойчивое противопоставление земного и небесного, человеческого и божественного, несовершенного и совершенного не может быть

случайным. Возможно, этот дуализм отражает представления автора о мироустройстве. В таком случае, метафоры не просто служат украшению, оформлению текста, но и участвуют в порождении набора аргументов⁸. (Поскольку некие важнейшие для автора образы, на наш взгляд, предшествуют рассуждениям, умозрительным конструкциям).

Кроме того мы уверены, что это противопоставление было привычным и понятным для современников Васильева⁹, а значит, эти метафоры не только в образной форме раскрывают мысль автора, но и делают приемлемой — и более успешной — его аргументацию.

Говоря о риторических средствах в текстах Н.А. Васильева, нельзя не отметить частое использование автором интонационных возможностей речи — вопросов и восклицаний. Встречаются пассажи, где каждое предложение является риторическим вопросом. Например: «Но, если бы суждение и вывод сохранились бы, а закон противоречия потерял бы свою власть, разве мы отказались бы такое мышление называть логическим? Предположите мир осуществленного противоречия, где противоречия формулировались бы познающим субъектом в суждениях, где противоречия выводились бы, разве такое познание не было бы логическим? Разве не логическим было мышление Гегеля, его великая диалектика противоречий?» [10, с. 99] Риторические вопросы и восклицания придают словам Н.А. Васильева особенную выразительность и эмоциональность, и, благодаря этому — убедительность.

Другая особенность аргументации Васильева заключается в использовании примеров и аналогий вместо «чисто логических» доказательств. (Некоторые из них можно видеть в табл. 3). К этим средствам подтверждения своих мыслей автор прибегает постоянно, можно даже сказать, что обоснование возможности иной логики основано в большей степени на примерах и аналогиях, чем на умозаклучениях.

Табл. 3

Примеры	Аналогии
---------	----------

⁸ В этом заключается двоякая роль риторики в аргументации, о которой говорил В.Н. Брюшинкин: риторика участвует не только в осуществлении аргументации (как принято считать), но и в порождении набора аргументов.

⁹ Во-первых, потому, что дуализм земного и небесного лежит в основе христианской картины мира, во-вторых, потому, что начало XX в. – это время расцвета русской религиозной метафизики, религиозного ренессанса.

<p>«Пока я не имею от рюмки с бесцветной жидкостью никаких определенных вкусовых ощущений, когда у меня отсутствие вкуса воды, я не могу утверждать, что это не вода; только когда я попробовал и получил вкусовое ощущение водки, исключаяющее возможность того, что в рюмке была вода, только тогда я могу сказать: в рюмке не вода». [9, с. 60]</p> <p>«Я не могу видеть непосредственно, что данный предмет не белого цвета. У нас нет отрицательных ощущений, ощущений «не белого». Я могу иметь только определенные положительные ощущения красного, синего, черного и т. д. Когда я утверждаю, что предмет не белого цвета, то я несомненно сделал вывод. Я видел, что предмет красного цвета, и вывел, что предмет не белого цвета, зная, что красное не может быть белым».</p> <p>[9, с. 60-61]</p>	<p>«Закон противоречия так же незыблем, как незыблема истина, что Земля вращается вокруг своей оси в течение суток. Будет ли вращение совершаться быстрее или медленнее, все равно оно будет совершаться в течение одних суток, ибо сутками мы и называем как раз время обращения Земли вокруг своей оси». [11, с. 62]</p> <p>«Аксиомы логики множественны, как множественны аксиомы геометрии. Раз это так, то где гарантии того, что какое-нибудь логическое основоположение не может быть отброшено, заменено другим? Геометр отбрасывает аксиому о параллельных линиях, заменяет ее другим постулатом и получает научную систему воображаемой (неевклидовой) геометрии. Где гарантия в том, что невозможна построенная аналогичным образом воображаемая (неаристотелева) логика, логика с заменой одной какой-нибудь из наших аксиом и с сохранением других?» [10, с. 97-98]</p>
--	--

Итак, мы видим, что логические тексты Васильева можно рассматривать не только с логической, но и с риторической точки зрения. Какие выводы позволяет сделать наш аргументационный анализ?

Выводы

Прежде всего, мы должны отметить гетерогенность и перенасыщенность текста с точки зрения аргументации: возможность воображаемой логики автор пытается обосновать не только логически, но и используя разнообразные риторические средства. Здесь возникает проблема выделения доминанты: что является главной убеждающей силой в исследуемых текстах — логика или риторика? Другими словами, имеем мы дело с логико-риторической или риторико-логической моделью аргументации? А может быть, логика и риторика здесь равноправны и одинаково необходимы автору? Тогда как это можно объяснить? Мы предлагаем две гипотезы. Во-первых, такой двойственный характер аргументации можно объяснить обращением автора к различным адресатам. Н.А. Васильев пытается угодить всем и убедить всех, а потому использует и установку на рациональность (для более рационального адресата, например, для своих коллег-логиков), и установку на образность (приемлема для менее рационального адресата, в том числе, для обывателя). Но возможно и другое объяснение (которое нам представляется более правдоподобным). Н.А. Васильев обращается одновременно не к различным адресатам, а к различным способностям одного адресата (к рациональному и образному мышлению «зараз») с целью усиления убеждающего воздействия. И это уместно, поскольку цель такого воздействия — убедить в возможности отказа от главного закона мышления, что «противоречит здравому смыслу и непосредственной интуиции» [9, с. 79].

Литература

1. *Бажанов В.А.* Н.А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М.: Канон+, 2009.
2. *Брюшинкин В.Н.* Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: Труды международного семинара «Антропология с современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений. Калининград: Калинингр. ун-т, 2000. С. 133-155.
3. *Брюшинкин В.Н.* Системная модель аргументации как основа методологии философской компаративистики // Модели мира. Исследования по логике, аргументации и истории философии: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Изд. 2-е, испр. и доп. Калининград: Изд-во КГУ, 2004. С. 66-86.

4. *Брюшинкин В.Н.* Обобщенная системная модель аргументации // Аргументация и интерпретация. Исследования по логике, аргументации и истории философии: Сб. науч. ст. / Под ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 11—17.
5. *Брюшинкин В.Н.* Системная модель аргументации для фрагмента философского текста // Модели рассуждений — 1: логика и аргументация. Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В. Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. С. 126–144.
6. *Брюшинкин В.Н.* Аргументорика: исходная абстракция и методология // Модели рассуждений-2: Аргументация и рациональность: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 7-19.
7. *Брюшинкин В.Н.* Когнитивный подход к аргументации // Модели рассуждений-3: когнитивный подход: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 9-27.
8. Важнейшие концепции теории аргументации / Пер. с англ. под. ред. А.И. Мигунова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006.
9. *Васильев Н.А.* Воображаемая (неаристотелева) логика // *Васильев Н.А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989. С. 53-94.
10. *Васильев Н.А.* Логика и металогика // *Васильев Н.А.* Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989. С. 94-123.
11. *Герасимова И.А.* Феномен аргументации // Эпистемология & философия науки. Научно-теоретический журнал. М.: Канон, 2009, №3.
12. *Золотов Э.С.* Применение системной модели аргументации к анализу текста: Дис. ... канд. филос. наук. СПб: СПбГУ, 2003.
13. *Копнин П. В.* О логических воззрениях Н. А. Васильева // *Копнин П. В.* Диалектика, логика, наука. М.: Наука, 1973.
14. *Ледак Л. С.* «Новая логика» Н. А. Васильева в сравнении с идеями Аристотеля и Христофа Зигварта // Модели рассуждений-3: Когнитивный подход: Сб. науч. ст. / Под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 281-294.

15. *Рузавин Г.И.* Методологические проблемы аргументации.
<http://www.philosophy.ru/iphras/library/ruzavin/argument.html>

16. *Смирнов В.А.* Логические идеи Н. А. Васильева и современная логика // Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука, 1989.

17. *Сологубов А.М.* Системная модель аргументации в практической философии И. Канта: Дис. канд. филос. наук. Калининград, 2006.

Об авторе

Лилия Сергеевна Ледак — аспирант кафедры философии Российского государственного университета имени Иммануила Канта, bluecat09@mail.ru.

About author

Liliya Ledak, PhD student, Department of Philosophy, Immanuel Kant State University of Russia, bluecat09@mail.ru.